

Стальная волна омыла как грунтовую дорогу под ним, так и бетонную трассу сверху.

Он находился глубоко в оспариваемых зонах, на разноуровневом пересечении заброшенной автострады. С поверхности вели наблюдение Муравьи, тогда как шоссе, построенное как чрезвычайная военная скоростная автомагистраль, изобиловала Волками и Львами.

Легковесные Волки могли пересекать грунт относительно просто, а у Львов боевая масса составляла пятьдесят тонн, и это мешало им передвигаться через трясину. Поденки укутывали небо, Дикобразы покорили воздушное превосходство, с этим Легион мог пересекать земли без страха подвергнуться бомбардировке сверху.

И вот что делало это место идеальным для засады.

— 4-й взвод, открыть огонь.

По приказу Шина взревели пушки четырех Джаггернаутов его взвода. Они прятались прямо под шоссе, между опорами и самой трассой. Они забрались повыше при помощи анкеров и сжались как только могли. Джаггернаут, даже будучи небольшим фердресом, едва скрывался из виду.

Открыв массированный огонь, они с грохотом обрушили колонны перед собой. Те обвалились прямо на Легион. Даже железобетонная дорога для военного транспорта не могла выдержать натиск залпов из танковых башен.

Ряды машин в центре дороги снесло. Было невозможно с их оптическими сенсорами что-то увидеть через слой бетона, но жалкие аудиосенсоры Джаггернаутов могли определить, что по ту сторону толстого препятствия враг разделился на три группы.

Муравьи устремили сенсоры ввысь, но их тут же подмяли под себя завалы и вес падающих Львов. В качестве организованной тактики Легион выпускал поденки для блокирования радаров людей и проводил одностороннее нападение. Поэтому для них шанс быть обнаруженными и попасть в засаду был ничтожно мал.

Падение в несколько десятков метров привело в замешательство даже центральные процессоры Львов, от неожиданности огромные машины просто застыли. Как раз в этот момент Шин приказал открыть огонь во второй раз. Снаряды прошибали относительно незащищенный верх башен.

Так они уничтожили проблемных Львов. Оставались...

— 4-й взвод, за мной. Капитан, уничтожьте оставшиеся машины над нами.

— ...Принято.

— Перестань командовать, командир 4-го взвода.

Легион не мог прослушивать связь через парарейд, но «восемьдесят шесть» все равно были обязаны использовать позывные или кодовые сигналы во время переговоров. Под этот устав подходил позывной кураторов, Куратор Один. Делалось это, чтобы ничье имя не просочилось за Гран-Мюр или внутрь стен.

Шин и агрегаты из его 4-го взвода спустились на поверхность при помощи тросов. 1-й, 2-й, 3-й и 5-й взводы также нырнули вниз с трассы и атаковали Легион, используя пыль от рухнувших завалов как укрытие.

— Одержимый призраками выродок.

Даже через бурный шум битвы каждый в отряде слышал доносившийся через синхронизацию шепот. Шин не обратил внимание на высказывание, когда приблизился к Волку. Механическая угроза наконец оправилась от шока после падения. Когда машина попыталась обернуться, Джаггернаут Шина скользнул по грязи и оказался прямо напротив фланга противника. Пулеметы, закрепленные на манипуляторах, низвергли огонь.

Легковесный Волк мог похвастаться большим наступательным потенциалом, но защита даже близко не была такой сильной, как у Льва. Хотя пулеметный огонь все еще не мог пробить переднюю броню, поэтому атаку следовало проводить с фланга.

Когда Волк безжизненно рухнул на землю, Шин отбежал и помчался к следующей цели. Удар от падения сотряс центральные процессоры так, что они не могли действовать в тандеме для остановки засады.

Но хоть враг и пребывал в замешательстве, Джаггернауты ни в какое сравнение не шли с Легионом. И роль Шина состоит в создании подобных ситуаций, а после — сохранении динамики. Он погрузился в сердце выживших Волков, разрывая ряды. Даже не глядя на радар, он знал, что члены отряда позади разделяют машины и занимаются каждой по отдельности.

У правого пулемета кончился боеприпас. Мигом позже то же самое произошло и с левым, о чем оповестило предупреждение на голографическом окне. Шин цокнул и переключил текущее вооружение на 57-мм пушку. Отдача от нее мощная, и она была мало пригодна для ближнего боя. Но слишком уж болезненным ударом оказался тот факт, что у оружия может закончиться боеприпас.

Джаггернауты конструировали легкими, таким образом снарядов и пуль для пушки и пулеметов можно было взять ограниченное количество. Конечно, израсходование боеприпаса посреди боя — вполне закономерная проблема, поэтому отряды шли под сопровождение дронов снабжения. Но их искусственный интеллект не блистал умом, и те не могли следовать

за бойцами в подобных неистовых битвах.

«Если бы только у меня было оружие ближнего боя...», — приходила ему болезненная мысль в голову между сражениями. Оружие ближнего боя считалось устаревшим. Почти никто не использовал его из-за огнестрельного оружия, поскольку оно требовало меньше тренировок, и имело большую дальность стрельбы. Современными войнами заправляют пушки, способные отправить снаряд на километровые расстояния, а оружие ближнего боя воспринималось только как самоубийственное.

Но в одном оно превосходило огнестрельное. У оружия ближнего боя никогда не закончатся боеприпасы. Им можно рубить врага, замахиваясь на них до тех пор, пока не сточится или сломается. С ним было бы немного, но все-таки лучше.

Судя по всему, у взводов наверху возникли трудности с уничтожением Легиона на развалинах шоссе. Должно быть, они отправили запрос о поддержке, поскольку патрульные войска слева изменили курс. Машины передвигались от здания к зданию, чтобы их не засекал радар, но Шин вовремя спрогнозировал атаку. Ему нужно сказать оставшемуся 6-му взводу залечь в укрытие на их пути.

Но потом Шин понял: 6-й взвод, который он послал для перехвата, расположился не на своих позициях. И, подняв взгляд, он услышал переговоры членов этого взвода во время хаотичного сражения наверху.

— Носферату, подразделение Легиона сменило курс и направляется к нам. Мы все еще можем застать их с фланга. Пусть 6-й взвод вернется на свои поз...

— Я говорю перестань командовать, Дельта лидер. Капитан этого отряда — я, и я решил сосредоточиться на выносе главных сил. Да и... кто поверит тебе? Одержимый призраками выродок.

Шин скорчил мину на ответ. Капитан был на два года старше, и он наотрез отказывался слушать солдата моложе... Нет. Он ненавидел Шина совсем не из-за возраста... И как бы демонстрируя неприязнь, капитан отряда продолжил разглагольствовать. Он выплюнул слова с сочившимся презрением в голосе:

— И перестань синхронизироваться с нами. Держать с тобой связь неприятно, чертов монс...

Голос капитана вдруг оборвался. Синхронизация с ним отключилась. Мигом позже Шин услышал тяжелый металлический грохот от удара и рев 120-мм башни Льва.

Снаряд летел с начальной скоростью тысяча шестьсот метров в секунду, это быстрее скорости звука. И попадание в цель он услышал прежде, чем сам выстрел.

Этот звук означал прелюдию к развалу всей операции.

□

Битва со Львом для Шина не была невозможной, но все равно тяжелой в условиях один на один и без поддержки товарищей. Используя поломанные Джаггернауты как приманки, он открывал огонь по Льву и потом прятался.

Теперь, стоя напротив останков Танка, Шин выдохнул. Он вылез из своего агрегата и под дым и осадок в воздухе, поднимающиеся с поля боя, прошелся абсолютно незащищенным.

В живых не осталось ни друзей, ни врагов. Боевые беспилотники, оставленные на попечение самим себе павшей страной, и оружие, пилотами которых выступали нелюди, боролись друг с другом на смерть, пока не остались лишь тлеющие руины города.

Это произошло вновь. Все члены его отряда погибли, и он единственный выжил.

Оставшись наедине, он толком не мог припомнить, сколько длилась битва. Разум уже на горьком опыте постиг, что остановка всего на секунду может привести к смерти, поэтому он больше не тратил лишних ресурсов на размышление о бессмысленной сентиментальности. Погрузиться в печаль можно было лишь по завершении сражения.

Он посмотрел на свой Джаггернаут и качнул головой. Боеприпасы у пулеметов и танковой пушки закончились, энергопакеты тоже на исходе.

Он ведь предупреждал их, но никто не послушал. Не поверил. Он привык к гадостям, когда его называли одержимым жнецом, насылающего смерть и врагов на своих товарищей. Все отряды, в которых он побывал с начала службы, были уничтожены — абсолютно все. В живых всегда оставался только он.

Он должен был привыкнуть. К смертям друзей. К тому, что оставался единственным выжившим. К обвинениям, что это его вина.

Но по какой-то причине сегодня он чувствовал себя особенно уставшим. Необъяснимое чувство пустоты подкралось к ногам и сковало. Абсурдный, нематериальный вес давил так, что он не мог пошевелиться.

В чем смысл выживать? В конце его неизменно ждало только одно: смерть воина на поле боя...

Но пусть так, пока он не мог умереть. Поэтому он втащил отяжелевшую ногу в Джаггернаут, оставшийся в режиме ожидания, и тут...

— ...М-м?

...он заметил что-то на фоне развалин неподалеку. Опрокинутого падальщика...

2

Падальщики — беспилотные дроны поддержки, сопровождающие отряды в битве. Их нагружают боеприпасами и энергопакетами, которые используются для снабжения агрегатов в разгар сражения. Шин не знал, есть ли у них нормальное название по документам. Но раз те патрулировали поле боя после битв для пополнения припасов и подбора пригодных деталей из поломанных Джаггернаутов, эти квадратные, неуклюжие транспортники в разговорной речи упоминали как падальщиков.

Отряд Шина сопровождали несколько падальщиков, однако все они были уничтожены в бою. К счастью для Шина, у найденного дрона остался при себе контейнер.

Без боеприпасов и практически опустошенных энергопакетов он сомневался, что сможет вернуться на базу из оспариваемых зон. Хотя Легиона поблизости не было, он это понимал, но враг действовал быстро: если машины погонятся за ним, у него нет возможности дать даже малейший отпор.

Он готовился забрать нужные припасы из уничтоженных Джаггернаутов членов отряда, но альтернативный вариант оказывался проще.

Шин остановил Джаггернаута у развалов, вылез из кабины и подошел к падальщику. Это была старая модель, одна из представленных в начале войны. Нечасто такую встретишь. Падальщик покрывали сажа и пятна от пыли на поле боя. Квадратный и угловатый корпус и четыре округлые ножки. Точно неуклюжий нескладный дрон с двумя манипуляторами и линзовидным оптическим сенсором.

Дрон не подавал признаков жизни, погрузившись в завалы по диагонали, будто умирающая гончая, прижавшаяся к земле.

По-видимому, ему подбили ноги. Верхняя часть контейнера оставалась нетронутой, манипуляторы, внутренняя печь и фрезы также были целыми. Но если сам падальщик мертв, ничего из этого не будет работать.

Замок контейнера открывался легко без особых усилий. Осмотрев корпус, весь в саже, Шин сдержал вздох. Как и в случае кабины Джаггернаута, люки всех республиканских «дронов» не закрывались на электронный замок, который требовал бы ввести код. Все, что требовалось, — потянуть за рычаг.

На самом деле это только Шину на пользу, поскольку нужно было достать припасы для его Джаггернаута, но в рядах Легиона имелись самоходные мины и Таузендфесслеры с манипуляторами, похожими на руки. Он видел товарищей, что сталкивались с ними посреди сражения: в тот же самый миг Легион разрывал кабины и вытаскивал пилота.

Республика воспринимала «восемьдесят шесть» за расходные блоки обработки данных, поэтому они ни разу не задумывались о том, чтобы добавить любое подобие защиты. Их технологий не доставало для разработки продвинутого искусственного интеллекта или мощных фердресов, но они могли хотя бы для виду сделать электронный замок.

Шин вдруг оцепенел. Быть может, сказала усталость от битвы. Отбросив саркастическую мысль, всплывшую на поверхность с жестокой ясностью, Шин подошел к рычагу открытия контейнера. Галька под ногами выбивалась из-под подошвы и скатывалась вниз.

Замок поддался легко. Но вскоре после открытия возникла проблема. Конкретно она заключалась в припасах, которые перемещал падальщик. Джаггернаут все-таки был слабей, ужасно сооруженной смертельной ловушкой, и припасы для него были большими и громоздкими. 57-мм танковая башня может быть незаурядной сколь угодно, но магазин со снарядами для нее весил более ста килограмм.

А Шину, низкому и с небольшим телосложением, такой вес — более чем вдвое превышающий его самого — никак не перенести. Хотя он мог бы извлечь снаряды и перенести по одному...

...только это никак не отменит бессмысленной смерти на поле боя, которая его неминуемо ждала.

Холодная, темная и навязчивая мысль снова подняла свою уродливую голову. Вздыхая, Шин отмахнулся от нее. Когда же чувства усталости и пустоты начали прочно занимать уголок его разума? Впервые он подметил это состояние после полного уничтожения последнего отряда, но, вероятно, раньше просто не замечал.

Сколько бы он ни сражался, сколько бы раз ни оставался последним, в конце пути он ничего не получит. Нет никакого смысла сражаться или выживать, и все же...

Вдруг оптический сенсор падальщика моргнул. Дернулся один манипулятор, застрявший в неудобном положении: тот открылся и закрылся с громким металлическим скрежетом, будто это была проверка работоспособности.

— Оу...

Шин испуганно отпрянул. Он многое повидал на поле боя, но не смог удержаться от возгласа. Он оглядел дрона с шокирующим любопытством, будто воочию увидел нечто, восстающее из могилы — насколько он мог судить, дрон лежал замертво, — когда два манипулятора достали магазин из контейнера. Он оставался верен своей программе... или, скорее, выглядело так,

словно он даже не был в курсе о своем плачевном состоянии, когда вытаскивал припасы, будучи наполовину сломанным.

— ...Ты еще живой? — удивленно спросил Шин.

Оптический сенсор будто оглядел его. Шин невольно подошел ближе и коснулся корпуса, покрытого сажей. Тонкий металл делал его безоружным и небронированным.

Вопрос холодному, безжизненному устройству по сбору мусора, вероятно, был отражением образовавшейся в сердце дыры в эти мгновения. Падальщики не обладали личностью. Республика могла создать робота только со скудным искусственным интеллектом, который не способен на автономные бои. Вместо дронов на поле брани они сослали «восемьдесят шесть» как расходный материал.

Поэтому неважно, что он скажет, машина — этот неодушевленный объект — все равно не сможет его понять. Она отзывалась только на простенькие голосовые команды. И все же зная об этом, он продолжил говорить:

— Никого не осталось. Все твои друзья из отряда погибли. Может, тогда вернешься со мной?..

Шин много раз возвращался на базу на своих двоих. Но даже так... Нет, как раз поэтому он не хотел снова через это проходить. Израненное сердце Шина побудило его уцепиться за связь.

3

— Понятно. Но что есть, то есть. Такова судьба «восемьдесят шесть».

Услышав от Шина, единственного выжившего, о полном уничтожении отряда, командир бригады обслуживания, Тоука Кейша, вздохнула. Она была из смешанной расы Сапфиров с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами. Она носила комбинезон, навечно пропахший машинным маслом, и эта рабочая одежда сильно контрастировала с мягкими, красивыми чертами лица.

Откинув волосы назад, она обернулась на заднюю часть ангара, где в ряд выстроились контейнеры. На каждом изображался пятицветный флаг Республики, ныне воспринимаемый ею за отвратительный символ. Она недоумевала, как может Республика после всего сделанного заявлять, что в их национальной политике лежат свобода, равенство, гуманизм, справедливость и благородство.

Дураки не могут надеяться воплотить эти ценности с учетом угнетенных «восемьдесят шесть», коих они даже за людей не считают.

— К этой операции не успели, но твой запрос на вооружение наконец-то утвердили. С

изначального производства сохранились кое-какие излишки, так что часть отправили нам. Используй их в следующем отряде.

Высокочастотные лезвия. Тоука даже позабыла об их существовании, пока молчаливый мальчик не заинтересовался после того, как заглянул в руководство по Джаггернаутам. Это было дополнительное вооружение для манипуляторов взамен 12.7-мм тяжелых пулеметов.

С их помощью можно даже пронзить броню Динозавров, самый огромный и крепкий тип Легиона из известных, также легко, как нож по маслу. Тем не менее это оружие представляло собой просто мечи. Устаревшее, нелепое оружие ближнего боя. Совершенно бесполезное на поле боя, где преимущество сохранялось за пулеметами и танковыми башнями, способными послать снаряд на расстояние в несколько километров.

Любое оружие, каким бы действенным оно ни было, полезно только когда поражает врага. И поэтому никто из «восемьдесят шесть» не использовал лезвия, поскольку требовалось подобраться к противнику как можно ближе под вражеским огнем и бомбардировкой. Их считали не более чем ненужной массой.

Таким образом Тоука не знала ни одного процессора, кто пользовался бы ими, а когда Куратор получил запрос на поставку, его реакцией стал переход с презрения на нескрываемое мрачное отвращение. Даже вопрос задал: не выжил ли окончательно из ума тот, кто это затеял?

Тоука попыталась сначала поговорить с Шином, но он настаивал, поэтому пришлось уступить. Все-таки именно он ставит на кон свою жизнь на поле боя с этим оружием. Как член бригады обслуживания, у Тоуки нет права переубеждать его.

Она только надеялась, что упрямство не исходит от отчаяния. С его прибытия сюда она не могла припомнить, чтобы он хоть раз посмотрел ей в глаза. И вот Тоука обратилась к нему, всячески пытаясь выцепить опущенный взгляд:

— Просто не поступай необдуманно, ладно? Ты единственный выжил, поэтому береги жизнь так долго, как только можешь. В следующем отряде и последующих тоже.

— ...

Шин не отвечал. Он был на десять лет моложе Тоуки, но уже лишился всех эмоций, чего совсем не ожидаешь от мальчишки-подростка. Тоука попыталась улыбнуться ему, но он не вернул улыбку. Шин отошел от контейнера с высокочастотными лезвиями и прошел в другой угол ангара.

— ...Вы можете починить это? — спросил он сухим голосом. Его взгляд упал на тяжело поврежденного падальщика старой модели.

Ноги находились в критическом состоянии, дрон едва мог передвигаться. Она впала в шок, когда увидела, как он приволок его на своем Джаггернауте. Пусть даже сражение закончилось, он все равно возвращался из спорных зон, где всюду мог скрываться Легион. А дрон был лишь падальщиком — лишний груз, который не стоил защиты.

Что побудило его пойти на такой безумный шаг? У всех сложилось чувство, будто причина была ясна, поэтому ни Тоука, ни остальные члены бригады не говорили об этом.

— Ну... — Тоука замолкла и пожала плечами.

Вообще-то починку падальщика в любой другой день отложили бы на потом, но сегодня им не нужно было разбираться с другими Джаггернаутами.

— Ну, сможем. Если нужно просто подлатать ноги, тогда проблем не возникнет. Ядро целехонькое, так что, наверное, быстро починим. Точно, справимся за сегодня... может, завтра закончим. Это все благодаря тебе... Молодец.

— ...

Тоука про себя подумала, что попытка подбодрить была заметно вымученной, а Шин так ничего и не ответил. Зато падальщик, расположившийся в пустом ангаре, издал странный, электронный: «Пи».

□

Электроснабжение фронтовых баз управлялось за Гран-Мюром. Республика в ночное время отключала электричество. Делалось это для того, чтобы база не стала целью ночных налетов Легиона, ну и просто из-за нежелания тратить попусту энергию на нелюдей-свиней.

Для граждан Республики «восемьдесят шесть» — просто расходный инструмент, которым они пользовались во имя национальной обороны. Все, в чем не было нужды, будь то комфорт или отдых, или любое подобие послаблений для поддержания морали, не поставлялось в восемьдесят шестой сектор.

Незадолго до отбоя Тоука вышла на осмотр базы вместо погибшего капитана. Она остановилась в ангаре, опустевшем после того, как члены бригады закончили обслуживать Джаггернаут Шина и падальщика.

Обычно дроны проводили ночь в выделенной зоне ожидания рядом с заводом базы. Но в углу закрытого ангара проглядывался огромный квадратный силуэт падальщика. Тоуку его присутствие здесь не волновало. Падальщики были инструментами, производимыми и используемыми Республикой. Она не знала — и, честно говоря, ей все равно, — что прописано в программе, или как принимались решения. В конце концов, «восемьдесят шесть» пусть и

могли определить рабочую деятельность или участок работы, полноценной власти указывать задачи у них не было.

Но затем она увидела спящего Шина, сжавшегося в комок у грязного корпуса. Он оставался здесь даже когда члены бригады говорили ему пойти отдохнуть. Приглядевшись поближе, она заметила тонкое одеяло из его комнаты, так что, очевидно, он все-таки возвращался в бараки. Но почему тогда спать лег в ангаре? Это не то место, где следует проводить ночь.

Она подошла ближе с мыслью о том, чтобы потрясти его и разбудить, но затем все поняла, и от осознания прикусила губу.

Бараки. Теперь там было пусто: никого из членов отряда, кто находился там еще день назад. Он, скорее всего, не хотел спать в одиночестве. Вернуться в то место теперь значит напомнить, что все, кроме него, погибли.

Вот он и пришел в ангар. Всегда пустующий ночью. Или, может...

Мальчик привалился спать на холодный корпус падальщика, находившегося в состоянии покоя.

Для Тоуки он выглядел точно ребенок, который вцепился в бродячего щеночка.

4

Республиканцы обращались с «восемьдесят шесть» как с деталями машин, но даже они понимали, что лучше не отдавать боевые приказы отряду, низведенному до одного Джаггернаута. И поэтому в период до формирования нового отряда процессору этого единственного Джаггернаута, Шину, заняться было нечем.

Первые несколько дней он ошивался возле членов бригады обслуживания, поскольку решил, что выполнять простенькую починку своего агрегата — навык отнюдь не плохой.

Но затем показались Джаггернауты для следующего отряда, поэтому обслуживающий персонал оказался занят окончательными доработками. Все-таки это партнеры процессоров, их оружие и путь к спасению. Так что пусть пилоты еще не прибыли, халтурить они не могли.

Тоука сказала Шину думать об этом как о каникулах и просто расслабиться, но без дел ему было беспокойно. И поэтому Шин, чтобы отвлечься, ушел прогуляться и остановился у далекой заброшенной базы Республики.

На заре войны с Легионом армия Республики сгинула, и граждане эвакуировались в восемьдесят пять административных секторов. Тогда-то базу и бросили, теперь же территория заросла пышной зеленью. Курицы, успевшие забыть о страхе и почтении к людям,

прохаживались свободно, будто это место — их собственность. Шин прошел через ворота, выломанные «восемьдесят шесть», и вошел в бетонное здание.

Он шел по уже привычному коридору, мышки при его приближении попискивали и разбегались. Место забросили, но вместе с тем оно было полезным для сбора консервов и маловесного огнестрельного оружия... В таких местах «восемьдесят шесть» обычно и добывали себе пистолеты с винтовками, которыми им запрещено обладать. Но поскольку солдаты Республики работали спустя рукава, они никогда не проверяли — и не узнавали — про однозначное нарушение.

Конечно, груда пайков сильно сократилась за годы после войны, зато вскоре Шин нашел искомый ящик с боеприпасами и вытащил его из угла. Но тут вдруг он услышал металлические и тяжелые — не меньше десяти тонн — шаги по складу.

— ?!.

Шин сдержал нервный вздох и развернулся. Такого прежде никогда не случалось: Легион ни разу не подкрадывался к нему и не заставлял врасплох сзади! Ремень штурмовой винтовки соскользнул с плеча, и он схватился за рукоятку. Зарядил первый патрон и приготовился уже целиться...

...когда вспомнил, что Легион не издает шагов в принципе.

Их высококачественные приводы и амортизаторы позволяли даже Динозавру, весящему более невероятных ста тонн, передвигаться со слабым шуршанием костей друг о друга. В таком случае позади него... то, что предстало перед ним, как только он обернулся...

— Пи.

...был обугленный падальщик старого образца.

— ...

Воцарилась неловкая тишина, пока мальчик и дрон таранились друг на друга на брошенном складе. Шин оцепенел: он уставился на круглый оптический сенсор и не знал, как реагировать.

Он почувствовал разом облегчение и усталость, когда тяжело вздохнул.

— Это ты.

Падальщик, которого он обнаружил и вернул в последней битве. Дрон вильнул к Шину громкими неуклюжими шажками. Мальчик все же понимал, что ответа не последует.

— Вылазок на сегодня нет, значит, тебе не дан приказ следовать за мной. Что ты здесь делаешь?

— Пи.

Падальщик не был оснащен голосовым выходом, но этот электронный писк, по-видимому, означал ответ. Он проследовал за Шином сюда, пренебрегая обязанностями по сбору мусора.

Оптический сенсор забегал: дрон осматривал склад беспокойными, но где-то даже милыми движениями, прежде чем взгляд остановился на ящике с пистолетными патронами, который Шин обронил, когда потянулся за винтовкой. Затем он выдвинул свой манипулятор, способный перемещать тяжелые 57-мм снаряды, и поднял ящик боеприпасов.

Роль падальщика состояла в том, чтобы подбирать осколки снарядов и обломки машин с поля боя и возвращать найденное добро на автоматизированный завод базы для переработки. Шин поднял было руку, чтобы остановить его, но на полпути осекся и взглянул на большой дрон.

Судя по всему, тот думал забрать ящик.

— Пи!

Ящик ушел в контейнер, казалось бы, с увлеченной и забавной последовательностью действий.

— ...Хех, — улыбнулся Шин прежде, чем опомнился.

Он заглянул в оптический сенсор, затем хихикнул. Смех просто поднялся где-то изнутри, затем всплыл на поверхность. Шин задался вопросом: сколько прошло с тех пор, как он в последний раз смеялся? Такое чувство, будто вечность.

Он громко рассмеялся, затем в уголках глаз стало тепло, но он сделал вид, что не заметил всех тех эмоций, что стекали с щек.

Падальщик безмолвно — опять же, по понятным причинам, ведь функции голосового ответа не было — уставился на него, будто верная гончая, и Шин погладил рукой бок машины, словно обычную собаку или лошадь.

— Если собираешься взяться за перенос груза, то у меня найдется много чего, что нужно отнести назад. Выручи меня немного.

— Пи!

Каким бы безэмоциональным дроном он ни был, падальщик будто радостно кивнул. Или, по крайней мере, двинул корпусом вверх и вниз, как намек на кивок. И снова Шин, даже не заметив этого, скривил губы в улыбку.

□

В довесок к пистолетным и винтовочным патронам и запчастям Шин запасся предметами первой необходимости, аварийными пайками и консервами. Лишь столько могло выдержать его небольшое тело, но надежный падальщик и это загрузил к себе в контейнер.

Шин вернулся на базу не скоро, шагая медленно, чтобы неповоротливый падальщик поспевал за ним. Чувствовал он себя немного лучше, чем когда уходил, а по возвращении обнаружил ждущую перед ангаром Тоуку.

Увидев искажившиеся от гнева черты ее лица, Шин поджал губы от дурного предчувствия. Следующий за ним падальщик будто также задрожал от страха. Он открыл кабину, и, как только слез на землю, Тоука заговорила. Бледные черты лица были суровыми, пугающими и с оттенком возмущения.

□

— Тебе поступил приказ о смене района военных действий.

5

Каждый район военных действий и лагерь для интернированных в восемьдесят шестом секторе разделяли противопехотные и противотанковые минные поля. Само собой разумеется, «восемьдесят шесть» воспрещалось покидать назначенный район, не говоря уже о запрете на вход в восемьдесят пять административных секторов. Единственным средством перемещения от одного места к другому оставались военные транспортники, пересекающие сотню километров с восьмидесяти пяти секторов. За Легионом сохранялось превосходство в воздухе благодаря поденкам и Дикобразам, и из-за этого неприглядные металлические птицы Республики могли летать только на своем ограниченном воздушном пространстве.

Четыре реактивных двигателя транспортного самолета в данный момент не работали, а грузовой люк держался открытым. Шина проводил в самолет офицер Республики, ответственный за полет.

Из личных вещей у него мало что было. Он взял с собой штурмовую винтовку для самообороны, пистолет для самоубийства и алюминиевые надгробия, количество которых со времен первого отряда только увеличилось, — все это он спрятал в своем Джаггернауте. Так вещи не конфискуют.

По документам процессоры считались лишь частями Джаггернаутов, поэтому во время транспортировки их не отделяли друг от друга. Обычно в самолеты загружали несколько Джаггернаутов, но в этот раз транспортник чрезмерно пустовал.

Когда он добрался до трапа, Тоука и остальные ребята из бригады обслуживания пришли проводить его. Мальчик опустил голову и не смотрел никому в глаза. Неважно, кто как к нему относился: радушно, как Тоука, или презренно, как к богу смерти. Он так или иначе простится с ними, как только сменит район военных действий, и, вероятно, никого из них больше не увидит.

Он привык к прощанию, после которого, скорее всего, никогда не выяснит, продолжают они жить или погибли. Так же как привык к транспортировке на следующее поле боя в необычайно просторном грузовом отсеке.

Кто бы ни презирал его, кто бы ни относился с добротой, ничего не изменится. В конце он всегда останется один.

Он плотно поджал губы. Воспоминания о последних днях здесь всплыли на поверхность, но он быстро заглушил их. Падальщики, автономные машины, были закреплены за каждой базой и, как в случае бригады обслуживания, считались собственностью базы. Они не могли уходить из назначенного района.

Значит и этот дрон не сможет пойти с ним.

Когда Шин уселся в грузовом отсеке, офицер Республики проверил крепление Джаггернаута. Ни малец, ни солдат не удостоили друг друга взглядом. Джаггернаут, насколько бы слабой не была броня, весил более десяти тонн. Если дать дилетанту процессору разбираться с фиксированием агрегата, это может привести к халтурному креплению. И когда оно расшатается, во время взлета может нарушиться центр тяжести самолета. Таким образом, «восемьдесят шесть» не доверяли эту задачу.

Конечно, если бы «восемьдесят шесть» сделали это намеренно, они бы разбились о землю вместе с самолетом, но судьбой им, так или иначе, уготовано погибнуть на поле боя. Некоторые были бы не прочь забрать солдат Республики с собой, поэтому наверняка такой вариант кто-то обдумывал. Так что как бы солдаты Республики не любили выполнять работу спустя рукава, здесь им приходилось проверять все досконально.

Офицер поднял взгляд и нахмурился, дернув подбородком в сторону открытого люка позади.

— ...Эй. Ты же не думаешь взять эту дребедень с собой?

— ?..

Повернувшись, Шин увидел там падальщика: огромное тело заслонило собой солнечный свет. Это была старая модель, корпус весь покрывала сажа, но ноги выглядели новыми. Сверкнул круглый оптический сенсор, словно моргнул.

Тот самый падальщик.

— Пи.

— ...Почему?

Как говорилось, падальщики соотносились со своей базой, а значит не могли перемещаться на другой объект. Поэтому они не могли следовать за отрядом или процессорами в момент реорганизации.

Пока Шин озадаченно смотрел, падальщик забрался на трап, прошел в угол и сложил четыре ноги, будто заявляя, что никуда не сдвинется. Дрон проигнорировал офицера, который приказывал остановиться. Тот теперь гневно обернулся к Шину.

— Какой приказ ты дал ему?.. Не делай ничего подозрительного, чертов «восемьдесят шесть». Скажи убраться.

Но Шин пребывал в такой же растерянности, что и офицер. У него... или, вернее, у всех «восемьдесят шесть» нет полномочий командовать падальщиками. И вот Шин переводил взгляд то на разозлившегося офицера, то на усевшегося падальщика.

Тоука заглянула внутрь самолета и проговорила с насмешливой улыбкой:

— Ох, но я думала, падальщики — результат передовых технологий вашей великой Республики?

Офицер злобно уставился на нее, а Тоука подняла подбородок и усмехнулась. Голубые глаза элегантно сощурились, губы, красные от природы, скривились в ухмылку.

В сладкую и такую высокомерную.

— Я о том, что мы, неразумные свиньи, может и можем управлять вашими превосходными машинами. Дроны сделаны с использованием самых передовых технологий людей Республики, то есть высшей расой. Уж вам-то под силу изменить любой наш, грязных «восемьдесят шесть», приказ. Я бы сказала, проще некуда... не правда ли?

«Давай, — подстрекала она. — Сделай сам».

— Хм... — умолк офицер, лицо которого от унижения и злости стало красным.

Он не мог этого сделать. У него нет таких полномочий. И, быть может, он понятия не имел, как разобраться с нестандартным поведением падальщика.

Но признать свое бессилие и беспомощность перед «восемьдесят шесть»? Перед свиньями? Его гордость такого не позволит.

— ...Ладно. Делай что хочешь.

Шин удивленно взглянул на офицера, который не вернул взгляд. Мужчина рьяно подошел к падальщику и также начал его крепить к месту. Падальщик замерцал оптическим сенсором в том же темпе, каком собака радостно виляет хвостом. Тоука повернулась к Шину, нежно улыбнулась и помахала на прощание.

□

Офицер вернулся в кабину транспортника, оставив в грузовом отсеке Джаггернаут, ребенка-солдата, то есть процессора и падальщика. На военном самолете в грузовом отсеке могли находиться люди, но солдаты Республики не желали оставаться в одном месте с «восемьдесят шесть».

— Там изменения в весе груза. Пересчитай, — сказал он второму пилоту, не удостоив того даже взглядом.

— Принято.

Только подумав о той стычке в грузовом отсеке, он опять взбесился.

— Эти свиньи, богом клянусь. Гребанные животные всю работу мне усложняют...

Самолет легко перенесет дополнительные десять тонн, но от этого им только больше работы.

— Вот поэтому не выношу этих «восемьдесят шесть». Без причин усложняют нам работу. Имбецилы знать не знают, как нам, людям, тяжело. Чертовы свиньи. Скот.

Пока офицер бормотал под нос оскорбления, второй пилот косо взглянул на него.

— Не нужно повторяться. Мы прекрасно знаем, что они свиньи в человеческом обличье... Раздражает слушать тебя, — сказал тот.

— Да знаю я, — уныло, в противовес словам, отозвался офицер.

Конечно, он знал, но, если бы не проговорил это вслух, ни за что бы не успокоился. Верхушка армии. Его коллеги. Безответственные Кураторы. Невежественные жители. Родина решила, что «восемьдесят шесть» — свиньи в человеческом обличье. Низшие, глупые и дикари. Нелюди, эволюционный тупик. Он должен воспринимать их именно так.

«Черт бы всех побрал», — высказался он на выдохе.

Он не справится с этой работой, если будет думать иначе. Мыслями он возвращался к ребенку-солдату. Мальчик, едва достигший подросткового возраста, был еще слишком юн для становления солдатом. И взгляд, которым он одарил офицера после того, как тот разрешил оставить падальщика на борту.

«Он же просто деталь оружия. Почему бы не вести себя как бездушная деталь?»

У него был взгляд ребенка, какой можно увидеть у каждого.

□

Взгляд ребенка, которому разрешили сохранить найденного щенка и растить.

Экстра

Даже после реактивации парарейда синхронизироваться было не с кем. Слабый радар его Джаггернаута не мог засечь ни одного союзного агрегата.

Еще один отряд уничтожен.

Бросив в кабину радио, из которого вырывался только статический шум, Шин облокотился спиной на броню своего агрегата и вздохнул. Капитан и все члены отряда погибли.

Нынешнее поле боя представляло собой брошенное, изолированное осеннее пастбище. Легион отступил, и Шин теперь одиноко стоял под небом чудного оттенка голубого, уникального для осени. Ветер продолжал дуть, безучастный к прошедшей битве и унесшим ею человеческим жизням. Неоправданно чистое лазурное небо висело над ним, вокруг трепетали лепестки цветов, названия которых он не знал.

Когда Шину исполнилось двенадцать, его наконец-то назначили вице-капитаном отряда. В этом отряде не было ветеранов. И, как всегда, все в нем погибли, а он остался единственным

ВЫЖИВШИМ...

...или нет.

— Ты еще здесь, — сказал Шин, переведя взгляд на старую модель падальщика, громко проковылявшего к нему.

— Пи.

Быть может, Шину повезло: дрон, каким бы старым он ни был, по-видимому, обладал способностью учиться. Похвальный падальщик был более приспособлен к выживанию, чем его коллеги. И это несмотря на то, что тот всегда вплотную следовал за Шином, даже когда мальчик сталкивался с Легионом в ближнем бою со своими высокочастотными лезвиями или прорывался вглубь рядов врага для нарушения строя.

— Вероятно, они меня переведут. Ты за мной также последуешь?

— Пи.

— Это «да»?

Судя по всему, именно оно.

Нет нужды говорить об этом, но Тоуки в этом районе военных действий не было. Значит, теперь говорить с офицером Республики предстоит ему, подумал спокойно Шин. И не только это. С этих пор ему нужно заботиться о многих вещах.

□

Процессоры продолжали оставлять его и погибать. И члены бригады обслуживания прощались с ним и также оставляли. Получается, если он собирается выживать дальше, он не мог ни на кого положиться. Ему нужно разбираться со всем в одиночку...

— Пи.

— М-м.

Шин осознал, что падальщик уставился на него. Круглый оптический сенсор не мерцал. Он вдумчиво осматривал мальчика, немного наклонившись вперед, точно сообразительный пес.

Жест словно показывал, как он беспокоился о Шине. Пусть даже машина по сбору мусора,

созданная Республикой, не имела продвинутых функций, вроде мыслей или эмоций.

Но когда Шин погрузился в себя, падальщик поднял в небо два манипулятора и начал трясти их влево-вправо. Затем поочередно подгибал суставы ног, качая тем самым десятитонный корпус в одном ритме с руками.

— ...

Он... танцевал. Шин наблюдал за странными неожиданными движениями падальщика с немым изумлением, а в следующий миг взорвался со смеху. С учетом того, как он последовал за мальчиком, чтобы помочь нести припасы, и как повел себя на транспортнике...

— Чудак ты, знаешь?

Пусть даже это всего лишь машина, неспособная на эмоции.

Оптический сенсор падальщика вновь уставился на него, будто спрашивал, приободрился ли он.

— Наверное, я не могу постоянно обращаться к тебе на «ты», — вернул Шин взгляд. — Будет сбивать с толку.

— Пи?

— У тебя есть имя?.. Думаю, нет. Тогда как насчет...

Даже Республика, лишившая «восемьдесят шесть» изначальных человеческих имен, применив к ним численное обозначение. Шин обдумал немного, а потом на ум пришло одно имя. Он произнес его вслух, долго не раздумывая.

Он не мог припомнить, когда слышал его, но, кажется, собаке бы подошло отлично. И по какой-то причине имя вызвало ностальгию. Шин не мог вспомнить, почему.

— Файд. Буду звать тебя Файдом.

— Пи!..

Падальщик, Файд, сверкнул своим оптическим сенсором, будто переполненный эмоциями.

Имя ему, похоже, понравилось. Он снова качнул манипуляторами и телом — в этот раз с большей амплитудой, — вытанцовывая шумными шагами. Танец был столь преисполнен

радости, что казалось, будто вокруг начнут крутиться воображаемые цветочки или сердечки. Шин наблюдал за весельем с кривой улыбкой.

— Как закончишь танцевать, давай возвращаться на базу. Командир бригады может распереживаться, если мы опоздаем.

— Пи!

Дополнение

Помимо процессоров и бойцов, в штабе ударной группы «восемьдесят шесть» на основной базе размещались множество солдат и военный персонал. Одной из обязанностей персонала являлось пополнение припасов. Но Шин остановился, когда увидел, как знакомый неуклюжий силуэт помогает им.

В отличие от фронтовых баз восемьдесят шестого сектора и баз 177-й бронетанковой дивизии западного фронта, которые располагались по соседству с полем боя, основная база находилась вдали от передовой. Значит, не было нужды собирать ресурсы с поля после битв.

Шин задался вопросом, чем Файд занимается вне операций — другими словами, когда ему нечего делать.

Если остальных падальщиков Союз сделал по образу и подобию, Файд все еще имел оригинальное ядро со времен Республики. В нем на программном уровне должны быть заложены те же обязанности, что и в восемьдесят шестом секторе. Но Файд с удивительным гибким подходом справлялся со всем сам.

Ну, может и не совсем удивительным. Еще тогда Файд игнорировал приказы солдат Республики и пренебрегал границы назначенных районов военных действий. Он продолжал забираться в транспортник, и это было весьма вольное поведение, как для падальщика.

Шин уже перестал спрашивать себя, какого рода программа занесена в ядро. Он считал, что пусть даже если у падальщиков имелись способности к обучению, какие-то пределы все равно должны быть — но он уже давно пришел к выводу, что над этим вопросом не стоит заикливаться.

После выгрузки полного контейнера овощей, Файд повернулся к персоналу.

— Пи!

— Ох, спасибо за помощь, как всегда... И взгляни-ка, твой хозяин пришел.

— Пи.

Файд, огромный по вертикали и горизонтали, резво повернулся на подходящего Шина. Он по обыкновению погладил область, где располагался оптический сенсор, точно собаку. Мимо прошла Грета и улыбнулась им:

— Хорошо поработали, ребят.

— Полковник Вензель.

— Пи.

Когда оптический сенсор Файда энергично замерцал, Грета под цоканье высоких каблуков о пол подошла ближе. Грузовик, который привез запасы продовольствия, отъехал, и на его место встал прицеп, доверху нагруженный припасами.

— ...Мы взяли несколько дронов той же модели, когда оказывали помощь Республике.

Шин глянул на Грету, но она взгляд не вернула.

— Нашлось несколько Баррет, проработавших примерно столько же лет, но ни один из них не блещет интеллектом. Неповоротливые, неуклюжие... и не делают ровным счетом ничего, только подчиняются изначальным приказам.

Файд при пополнении припасов отдавал предпочтение исключительно одному «восемьдесят шесть». И в результате он покидал назначенные базы, а потом и вовсе выучил новые приказы, вроде сбора обломков агрегатов погибших или вырезки определенной части с личной меткой. Единственное, чего Файд не делал, — не подбирал останки погибших солдат. Быть может, на это наложен строгий запрет.

— Вот как, — безразлично отозвался Шин.

— Тебя это совсем не интересует? — повела бровью Грета. — Падальщик, который постоянно крутится возле тебя, отличается от остальных.

— Почему бы вам не попробовать проанализировать его?

— Искусственный интеллект не моя область знаний, — отмахнулась она. — Если не может сражаться... и тем более если это не фердрес, мне почти все равно.

В участках памяти Файда все еще хранились записи о Шине и других... а также о погибших

членах отряда Остриё копья. По всей видимости, они не стали понапрасну портить ядро Файда, когда помещали его внутрь образца Союза.

На миг задумавшись, Шин сказал:

— Я знал задолго до вашего упоминания, что Файд не похож на других падальщиков. Он вел себя иначе еще на фронтовых базах восемьдесят шестого сектора... Да и, — добавил Шин, взглянув в фиолетовые глаза, — если кто-то скажет, будто собака, которую подобрали годы назад, на самом деле волк — вы же не будете заострять на этом внимание, не правда ли?

Если он все еще радуется. Если он все еще остается рядом, после всего.

— Наверное, не буду, — улыбнулась Грета.

— Если он и не падальщик, что ж, пусть так. Ведь он...

Шин умолк, бросив взгляд на Файда. Тот заметил жест, махнул манипулятором, а губы Шина невольно растянулись в улыбке.

— Ведь он все еще со мной.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2030795>